

Соколов Б. С. Очерки о науке и ученых. Научная публицистика. М.: Наука, Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2006. 313 с.

В 2006 г. в серии «Памятники отечественной науки. XX век» вышла новая книга выдающегося ученого и организатора науки академика Бориса Сергеевича Соколова «Очерки о науке и ученых. Научная публицистика». Имя ее автора хорошо известно представителям разных специальностей, поскольку, подобно титанам эпохи Возрождения, он смог реализовать себя во многих областях – палеонтологии, геологии, биологии – и получить признание отечественных и зарубежных коллег. Как удачно выразился Д. Гранин, обращаясь к Борису Сергеевичу во время одной из встреч: «Вы счастливый человек. Вы никогда не были директором, занимаясь наукой и ее организацией, не растратили время попусту». Как считает сам Борис Сергеевич, произошло это во многом благодаря тому, что за 94 года жизни ему неоднократно сопутствовала удача, хотя его жизненный путь не был легким.

Удачей можно назвать то, что будущий геолог и палеонтолог провел свое детство в небольшом волжском городке Вышнем Волочке, где мир природы был на расстоянии вытянутой руки. Коллекции окаменелостей, собранные им в те годы, в значительной степени определили дальнейшие профессиональные интересы и научные пристрастия Соколова.

Удачей было его поступление в Ленинградский университет, несмотря на существовавшие тогда ограничения по социальному признаку не-пролетарского происхождения. Как

он сам вспоминает: «Приехав в северную столицу, я устроился монтером в “Электроток”, и примерно через год эта организация дала мне рекомендацию для поступления в Ленинградский электротехнический институт. Я отказался. Тогда мой начальник, чех по национальности, очень удивившись, спросил, чего же я хочу. Я ответил: “Поступать в университет”. – “На какую специальность?” – “Либо биология, либо геология”. Последовала заминка, затем он сказал: “Мне смешно тебя слушать. Ты мог бы получить хорошую специальность”. Но его рекомендацию я получил и в 1932 г. отнес документы в университет» (с. 284).

Удачей было и то, что в то время на геолого-почвенно-географическом факультете работали замечательные люди – профессора Я. С. Эдельштейн, В. М. Тимофеев, Н. М. Сеницын, доцент Г. Д. Селиванов и многие другие. Каждый из них по-своему поддерживал интерес к науке, который жил в душе начинающего студента. В начале второго курса Селиванов взял его в качестве помощника, и Соколов руководил самостоятельной практикой первокурсников. После третьего курса он активно включился в научную работу кафедры палеонтологии, где в это время собрался коллектив талантливых ученых: М. Э. Янишевский (палеонтология беспозвоночных), Ю. А. Орлов (палеонтология позвоночных), А. Н. Криштофович (палеоботаника), А. Ф. Лесникова (крупнейший знаток ордовика),

Д. Л. Степанов (биостратиграфия и палеонтология), Л. Б. Рухин (литология и палеонтология беспозвоночных) и другие. Здесь можно вспомнить слова Юма, отметившего важность для ученика встречи с творческим человеком: «Внутри нас есть бог, говорит Овидий, который исторгает божественный огонь, воодушевляющий нас... Поэтический огонь передвигается только по земле; его ловят и передают от одной груди к другой; и он горит наиболее ярко там, где горючие материалы лучше всего подготовлены и наиболее удачно расположены»¹.

По окончании университета у Соколова, несмотря на диплом с отличием, возникли неожиданные трудности. Профессор Янишевский решил оставить его у себя в аспирантуре, однако из ректората пришел отказ: Борису Сергеевичу вменялось в вину то, что за пять лет учебы он проявил себя как «летун», а также был «связан с реакционной профессурой». Действительно, вспоминает Соколов, «я... побывал на трех разных отделениях и сдал в полтора раза больше экзаменов, чем полагалось нормальному студенту... Пришлось М. Э. Янишевскому через Наркомпрос улаживать конфликт» (с. 285).

Будучи аспирантом, в 1937 г. он стал читать курс исторической геологии для группы учителей-заочников. По его воспоминаниям, «все они были старше меня, неплохо ко мне относились, и один из них однажды набрался храбрости, зашел ко мне в кабинет и сказал: “Борис Сергеевич, мы все очень довольны вашим курсом, но вы позволяете себе иногда во время лекций такие отступления, которые в наше время плохо кончают-

ся. В связи с переименованием города Пермь в Молотов вы иронически называли пермскую систему молотовской. Не делайте этого”» (с. 285).

В книге представлено много и других ярких эпизодов. В разделе «Личности в истории науки» представлена целая галерея портретов талантливых ученых, оставивших заметный след в истории геологии и палеонтологии. Среди них первый избранный президент Российской академии наук, основатель школы русских геологов А. П. Карпинский, основатель казанской геологической школы А. А. Штуkenберг, геолог и палеонтолог академик Ф. Б. Шмидт, академик А. Л. Яншин, блестящий палеонтолог в области беспозвоночных Р. Козловский, один из крупнейших коллекционеров-палеонтологов И. Барранд, выдающийся исследователь внутренней Азии В. И. Роборовский, «патриарх советской геологии» профессор Д. В. Наливкин, учителя Бориса Сергеевича – замечательные геологи и палеонтологи М. Э. Янишевский, Ю. А. Орлов, А. А. Борисьяк, А. П. Быстров и многие другие незаурядные исследователи истории Земли и организаторы науки.

Для историков науки эти очерки интересны не только богатством фактического материала и обилием метких наблюдений, но и указаниями на то, как непросто складывалось отношение к истории науки даже в самой академической среде. Так, в очерке о замечательном геологе и историке геологии В. В. Тихомирове, Борис Сергеевич пишет, что в 1975 г., будучи избранным академиком-секретарем Отделения геологии, геофизики, геохимии и горных наук, он стал добиваться вакансии члена-корреспондента по специальности «история геологии». «К великому сожалению, мне не удалось убедить членов

¹ Юм Д. О возникновении и развитии искусств и наук // Сочинение в 2-х т. Т. 2. М., 1965. С. 630.

Президиума АН, что история науки – это такая же наука, как и любая другая, только еще более важная, так как заключает в себе весь исторический опыт и методологию науки» (с. 169). Остается сожалеть, что это понимание и сегодня пока еще не доступно для многих членов Российской академии наук.

В разделе «Научная публицистика» представлены наблюдения автора за судьбой отечественной науки. В наши дни, когда осуществляется все большее превращение ученого в «пролетария умственного труда», особенно интересно взглянуть на историю взаимоотношения власти и науки в нашей стране глазами участника этих зачастую драматических событий, начиная с 1930-х гг. и вплоть до настоящего времени. Этой теме посвящен целый ряд статей и интервью Бориса Сергеевича: «На путях к знанию», «Какая Академия нам нужна», «Российская Академия наук исторически ответственна только перед своим народом» и другие.

Эти размышления оказываются как нельзя кстати ввиду остроты и дискуссионности современных отношений власти и науки. Очевидно, что острота в этих отношениях появилась не сегодня. Так, Борис Сергеевич, вспоминая свои студенческие годы в Ленинградском университете, рассказывал, что в середине 1930-х гг. к ним пришел инструктор райкома партии с методическими указаниями о том, какой должна быть советская наука. Главным критерием развития науки должна была быть польза, приносимая наукой обществу и новому строю. В качестве примера, насколько некоторые ученые оторвались от насущных проблем социалистического общества, инструктор указал на «странные» исследования, проводимые группой Иоффе по расщеплению атомного (с ударением на втором слоге) ядра и

«бесполезные» для сельского хозяйства опыты монаха Менделя.

Подобные увлечения прагматической стороной науки, как известно, наблюдались в эти годы и в фашистской Германии, когда теоретическая физика была почти уничтожена по политическим мотивам в борьбе за создание «немецкой» физики². К счастью для мировой общественности, именно этот идеологический перекося физической науки в сторону прагматизма не позволил немцам создать атомное оружие.

История российской науки показывает, что во все времена последней не хватало автономности. Это можно считать своеобразной «родовой травмой» отечественной науки, полученной ею еще во времена воплощения замысла Петра I. В связи с этим напомним несколько моментов в истории становления российской науки.

Еще при возникновении первых научных учреждений Петру пришлось вести непрерывную борьбу со своим окружением, доказывая пользу науки для государства. И. Г. Корб³ в своем дневнике за 1698–1699 гг., писал:

² Так, например, известно, что в газете СС «Das Schwarze Korps» в 1937 г. появилась критическая статья о В. Гейзенберге с красноречивым названием «"Weiße Juden" in der Wissenschaft», в ней Гейзенберг обвинялся в чрезмерных занятиях теоретической физикой. Ситуацию спасла мать Гейзенберга, она обратилась за помощью к матери Гиммлера, с которой была знакома.

³ Дневник Корба, озаглавленный «*Diarium itineris in Moscoviam*», был издан в Вене без обозначения года и вскоре после выхода в свет уничтожен по требованию русского правительства, так что уцелевшие экземпляры стали библиографической редкостью. На русском языке этот дневник был издан в журнале «Чтения Общества истории и древностей» (1866, VI; 1867, I и III и отдельно).

«Заскорузлые в нелепых старинных понятиях бояре говорили: московитяне к научным занятиям не способны, и потому расходы на сей предмет окажутся совершенно бесполезными; вы только изнурите понапрасну и себя и своих подданных». «По вашему мнению, – отвечал им на это Петр, – мы родились от природы менее счастливо, чем другие народы; Бог, по вашему суждению, дал нам душу ни к чему не способную! Между тем, как у нас такие же руки, глаза и телесные способности, как и у людей других народов, которым даны они для развития ума; почему же мы только вырождаемся человеческого рода и должны иметь ум неразвитый? Почему же мы только одни недостойны науки, облагораживающей всех прочих людей?»⁴

Удивительным образом спустя три века приходится вновь доказывать необходимость науки для успешного развития государства. Так, рассматривая изменения в нашем обществе в 1990-е гг. Соколов пишет: «Непостижимым образом возник феномен равнодушного, даже пренебрежительного отношения к науке, к Академии наук. Объяснить это можно, допустим, давлением смутно-рыночной идеологии, ведь конкретного быстрого дохода от науки действительно почти никогда не бывает. Растолковать же, что без науки *сейчас и в будущем* нельзя создать доходную экономику, некому: вокруг временщики, от которых эти мысли отскакивают, как от стены горох» (с. 261).

Один из знаменитых философов XVIII в. Давид Юм показал, что искусство и науки не могут первоначально возникать среди какого-либо народа, если этот народ не пользуется благами свободной системы прав-

ления, однако они могут передаваться от одной страны к другой. Оценивая же деятельность Петра Великого по просвещению России, Юм пишет: «...Он правит подданными так полновластно, словно они его собственность, а вместе с тем так небрежно и с такой тиранией, словно они принадлежат другому. Народ, управляемый таким образом, есть народ рабов в полном и прямом смысле слова; и вряд ли такие люди смогут возвыситься до какой-либо просвещенности, вкуса или разума»⁵.

Если это так и указанное противоречие между свободным духом научного исследования и тираническим характером государственного устройства заложено в российской науке с самого начала, то выходом из сложившейся ситуации могло быть лишь создание «автономной зоны» для науки от произвола чиновников разного ранга⁶.

Соколов обращает внимание на то, что хотя «Академию наук и прежде направляли, понукали, подбирали к ней ключи (выражение Н. С. Хрущева)» в стремлении ее реформировать,

⁵ Юм. О возникновении и развитии наук и искусств... С. 632.

⁶ В. И. Вернадский, рассуждая о проблеме автономности научного творчества, вспоминал заявление, написанное профессорами еще при основании Московского университета: «“Канцелярии весьма великое причиняют учреждениям ученым препятствие, ибо науки любят свободу и особый свой имеют порядок, который от канцелярских установлений совсем отличен”... Много времени прошло после 1765 года. Но все еще продолжается в русской высшей школе борьба за академическую свободу и университетскую автономию, начатая почти 150 лет назад Московским университетом в екатерининской Комиссии по составлению Уложения» (Вернадский В. И. Высшая школа и научные организации // Вернадский В. И. О Науке. Т. 2. СПб., 2002. С. 219.

⁴ Цит. по: Шапов А. П. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа // Соч. Т. 3. СПб., 1908. С. 196.

«однако при этом она не должна потерять исторически сложившийся заряд того здорового консерватизма, который только и может поддерживать устойчивое развитие науки, выверенные вековым опытом традиции, преемственность в формировании уникальных школ, постоянно связанных с университетским образованием. Комиссарам и погонщикам временами удавалось влиять на те или иные направления академической науки, но в конечном счете академия сама решала свои проблемы, исходя из собственного понимания нужд науки и развития производительных сил страны. Только такая самоуправляемая и независимая от политической конъюнктуры Академия наук и нужна государству как высшая научная организация. Это не претензия академии, а ее подлинное место во взаимоотношениях науки и власти, если последняя действительно озабочена независимостью экспертных оценок государственных программ и проектов, прогнозом развития фундаментальных направлений науки, прогрессивного развития самого общества и его гуманитарных структур» (с. 261).

О нездоровой ситуации внутри Академии наук неоднократно критически высказывались многие российские ученые. В частности, Д. И. Менделеев в докладе «Какая же Академия нужна в России?» говорил: «Несомненно, что в том виде, в каком ныне существует Академия наук в Петербурге, она не имеет никакого значения»⁷. В советское время бюрократический аппарат Академии наук лишь укреплялся, что объяснялось необходимостью непосредственного управления наукой со стороны власти, которое осуществлялось по традицион-

ному методу «кнута и пряника». Как образно пишет по этому поводу Борис Сергеевич: «В подобных условиях науку было легко и приласкать, и приручить, и разгромить, и необычайно возвысить. Острословы даже сравнивали отношение к ней власти с отношением пьяного извозчика к лошади: то бьет ногой в живот, то целует в морду» (с. 266). К сожалению, современное реформирование науки и образования, проводящееся под знаком борьбы с бюрократией, как это ни парадоксально, направлено на еще большую бюрократизацию и вырождение науки.

Еще в 1990 г. Борис Сергеевич в интервью «Какая Академия нам нужна», данном журналу «Природа», отмечал, что АН СССР «формально... пока не стала научным правительственным ведомством. Но, по существу, она все более втягивается в текущий межведомственный круговорот, все больше теряет независимость от министерств и ведомств, в которой прежде всего должно быть заинтересовано государство» (с. 253). В этом интервью фактически изложена программа для действительного исправления положения в академической науке. Вопрос в том, будет ли услышан голос ученого?

Еще более остро он сформулировал свое видение реформы академической науки в статье «Реформа в науке – трудный выбор», где одной из важнейших задач он называет необходимость расширения и укрепления связи РАН с университетами и вузовскими исследовательскими институтами, призывает всех ее членов к обсуждению конкретных идей реформирования академии, поскольку иначе может быть принято «волевое решение вроде тотального сокращения штатов и прекращения деятельности некоторых институтов» (с. 270). «Академия должна взять в собствен-

⁷ Цит. по Менделеев Д. И. Какая же Академия нужна в России? // Новый мир. 1966. № 12.

ные руки защиту интересов науки и своего положения в стране. А положение это определяется ответственностью перед народом, а вовсе не перед меняющимися политическими системами и преходящими властными структурами» (с. 261).

Важным моментом в развитии самостоятельности науки является наличие автономных научных сообществ, какими в провинции часто выступали многочисленные краеведческие организации и объединения. Известный географ, путешественник и философ П. А. Кропоткин высоко ценил возможности независимых научных сообществ. В частности, он писал: «Почему-то все великие исследования, все перевернувшие науку открытия были сделаны помимо академий и университетов»⁸.

Действительно, краеведение объединяет любителей своего края, которые занимаются исследованием не в силу своих должностных или служебных обязанностей, и в этом свободном объединении как нельзя лучше проявляется свободный дух научного творчества. И отнюдь не случайно Соколов посвятил вопросам краеведения статьи «Краеведение у истоков российской культуры» и «К молодым краоведам и экологам».

⁸ Кропоткин П. А. Хлеб и воля. М., 1990. С. 121. Здесь же он пишет: «Какими средствами обладает в настоящее время ученый для того, чтобы заниматься интересующим его вопросом? Он может только обратиться к помощи государства, которая оказывается одному человеку из ста желающих и которой нельзя добиться иначе, как обязавшись не отступать от проторенного пути, от намеченной колеи! Вспомним, что Французская академия осудила Дарвина, что Петербургская академия не признала Менделеева, а Лондонское Королевское общество отказалось напечатать, как "малонаучный", труд Джоуля, в котором было сделано определение механического эквивалента теплоты».

Задумаемся, в чем смысл, цели и ценности краеведения? Что лежит в основе обращения человека к истории изучения своей родины? Известно, что в дореволюционные времена общественное движение, направленное на понимание истории собственного края, называлось родиноведение. В 1920-е гг. это название сменилось на более нейтральное «краеведение». Родиноведение объединяло науку и просвещение в стремлении не только понять, но и улучшить жизнь своих близких и родных, сограждан и соотечественников. И в этом отношении весьма показательно, что в истории изучения российской провинции мы встречаем тесное сотрудничество представителей академической науки и представителей различных слоев местной интеллигенции.

В. О. Ключевский в своей работе «Что такое обломовщина?» критически относился ко многим представителям интеллигенции, которые не могли осуществлять свое предназначение: «наклонность вносить в область нравственных отношений элемент эстетический, подменять идею долга тенденцией наслаждения; праздное убивание времени на ленивое и беспечное придумывание общественных теорий, оторванных от всякой действительности... и как заслуженная кара за обе эти греховные особенности, утрата охоты, а потом и способности понимать какую-либо исторически состоявшуюся или рационально допустимую действительность»⁹. Существование краеведческих научных обществ в этом отношении является возражением упреку Ключевского.

Один из активных участников краеведческого движения в 20-е гг. XX в. Н. Владимировский писал: «Откуда же

⁹ Ключевский В. О. И. А. Гончаров (1901) // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 319.

вытекла краеведческая работа провинции, вернее, – это жгучее побуждение к ней, к исканию путей местного творчества, которое заставляет многих отдавать на это массу своих сил? – Из потребности народного самосознания и самовыявления, из ощущения яркой органической связи между тобой и всем, тебя окружающим. Все это вместе взятое непреодолимо влечет к творчеству и сообщает удивительные силы. Краеведение есть результат народной самодеятельности и самосознания, кровно связанный с местным ландшафтом в самом широком смысле этого слова. Оно в самой своей сущности в значительной степени противопоставляется “официальной” науке, затиснувшейся в административные рамки и цеховые условности»¹⁰.

Именно отношение человека к своей «малой родине» определяет и гражданскую позицию и зрелость ученого. Действительно, можно в этом полностью согласиться с автором, что к «большой родине» можно испытывать разные чувства: «гордости, благодарности, преданности, а в иных случаях – жалости и даже горечи, но самое интимное чувство родины идет от детства, а это, по-моему, и есть подлинное чувство родины, свободное от груза противоречивых на-

слоений прожитых лет» (с. 272). «Малая родина» нуждается в помощи от «большой» науки, поскольку «бескрайние просторы российской провинции остаются в основном целиной (а можно сказать, и кладбищем памяти), хотя именно в российской провинции находятся истоки национальной культуры» (с. 273). Остается надеяться, что со временем эта ситуация изменится, а российский интеллигент будет отвечать тому требованию, о котором когда-то написал Ключевский: «Назначение интеллигенции – понимать окружающее, действительность, свое положение и своего народа»¹¹.

В заключение хочется заметить, что легкий язык автора позволяет переживать чувство сопричастности к тем волнующим событиям, о которых идет речь, и это доставляет огромное удовольствие от чтения книги. Можно предположить, что язык отражает характер человека, а Борис Сергеевич, несмотря на то, что прожил непростую жизнь, наполненную порой драматическими событиями, сохранил легкость общения, свежее восприятие бытия, тонкий юмор и оптимизм. Пожелаем же ему оставаться примером оптимизма и бодрости духа для нашего поколения.

В. А. Гуркин

¹⁰ Владимирский Н. К пониманию краеведческого движения // Краеведение. 1924. № 3. С. 217.

¹¹ Ключевский В. О. Об интеллигенции (1897) // Там же. С. 298.

Абелев Г. И. Очерки научной жизни М.: Научный мир, 2007 г. 500 с.

В российском научном мире произошло знаменательное событие – вышла в свет книга воспоминаний выдающегося ученого-биолога академика Гарри Израилевича Абелева «Очерки научной жизни». Ее автор – большой ученый и организатор науки,

имеющий огромный опыт работы в одном из сложнейших направлений науки – онкоиммунологии, заведующий отделом иммунохимии Института канцерогенеза Российского онкологического научного центра им. Н. Н. Блохина РАМН, основоположник круп-